

К-72

КОСТЁР

Ж У Р Н А Л Ц К . В Л К С М 1 9 4 0 Г .

НА КОЛЫМУ

Н. ПИНЕГИН

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО

Предшественник советских завоевателей Арктики Георгий Яковлевич Седов первый из русских попытался проникнуть на северный полюс. Это стоило Седову жизни.

Сын азовского рыбака, Седов упорным трудом пробил себе дорогу в жизни — он сделался офицером-гидрографом, опытным моряком, замечательным путешественником.

Но царское правительство не оценило отважного исследователя, и его экспедиция на северный полюс не встретила от правительства никакой поддержки. Деньги на экспедицию пришлось собирать путем пожертвований. Седов отправился на север с бедным снаряжением, на старом зверобойном судне «Святой мученик Фока» в 1912 году. Не было у Седова ни радиотелеграфа, ни самолетов, ни достаточного количества собак. Провизии — в обрез.

Советская страна глубоко уважает Георгия Яковлевича Седова. Недаром его именем на-

зван славный советский ледокольный пароход, только что благополучно закончивший свой героический дрейф в суровых условиях Арктики.

Жизнь Седова служит примером отваги и доблести для каждого полярного исследователя.

Здесь мы печатаем описание одного из путешествий Седова, предшествовавших его последней экспедиции. Автор этого описания, спутник Седова Н. В. Пинегин, в те годы молодой художник, хорошо знал погибшего путешественника. Познакомившись впервые с Седовым в 1910 году на Новой Земле, он участвовал в экспедиции Седова к северному полюсу и даже должен был по плану путешествия стать во главе вспомогательной Полюсной партии, но поварные болезни на «Фоке» не позволили осуществиться этому плану.

Завидное назначение

В конце декабря 1908 года Седова вызвал к себе генерал Вилькицкий, начальник Главного гидрографического управления.

— Господин штабс-капитан, я пригласил вас для обсуждения очень важного дела. Мною получено разрешение организовать экспедицию для описи устья реки Колымы и подходов к ней с моря. Экспедиция чрезвычайно ответственная. Не скрою — трудная. Но край весьма интересный. Самое трудное в этом деле — преодоление огромных пространств, — очень длинный путь. Почти десять тысяч верст до места работы. Их нужно проехать в самый короткий срок до начала навигации на реке Колыме. В дальней дороге будет немало хлопот и путе-

вых лишений. И еще осложнение: времени осталось почти в обрез. Мне нужен человек энергичный, здоровый и знающий дело.

Вилькицкий помолчал, переложил с места на место карандаш на бюваре и поднял глаза на Седова:

— Я думаю назначить начальником этой экспедиции вас. Можете что-нибудь возразить?

Седов стоял перед начальником навытяжку. Он расцвел. О предстоящей экспедиции слухи ходили давно. Гидрографы гадали: кого же пошлют в это трудное путешествие через всю Сибирь к устью далекой северной реки. Он мечтал попасть в такую экспедицию хотя бы простым производителем работ. Даже прочел несколько книг о северной Сибири и о Колым-

ском крае. Теперь мечта осуществилась. И — начальником! Чудесно. Вот счастье.

Седов в эти годы был уже опытным служакой, он знал: «никогда не отказывайся, ни на что не навязывайся». И еще: обнаруживать перед начальством радость — совсем не годится. Сохраняя по возможности равнодушный вид, он еще больше подтянулся по-военному:

— Как прикажете, ваше превосходительство. Я всегда в вашем распоряжении.

Вилькицкий поморщился.

— Нет, нет, я бы хотел, чтобы вы ехали туда с охотой. Я полагаю... м-м-м... что при успешном выполнении дела можно будет подумывать о внеочередной награде или о производстве в следующий чин.

Седов подавил усмешку.

— Я всегда рад работать на севере. В этом случае меня страшит только большая ответственность. И еще: мало времени осталось для подготовки. Как понимаю я — выехать нужно не позднее середины февраля, если это возможно. В остальном я не вижу затруднений.

— Да, да, я сам позабочусь, чтобы вам помогли снарядиться к февралю, — веско сказал Вилькицкий. — Приказ о вашем назначении отдам сегодня же. А вы начинайте подготовку. Ознакомьтесь с литературой. На днях устроим совещание. Пригласим на него участников Ленско-Чукотской экспедиции. Они отправятся одновременно с вами. Ваша работа и изыскания их сухопутной экспедиции имеют общую цель: подготовку пароходных рейсов из Владивостока к Колыме и Лене. Работа почетная и плодотворная. Начинайте же готовиться, желаю вам полного успеха.

Вилькицкий приподнялся в кресле, подал мягкую руку, Седов пожал ее, повернулся налево кругом и вышел.

За стенами кабинета он дал волю радости. Наконец-то собственная, совсем самостоятельная экспедиция. Никакого начальства. Путешествие через всю Сибирь до берегов Ледовитого океана. Если удастся хорошо закончить экспедицию, навсегда останется заслуга исследователя новых путей по девственному морю.

С этого же дня он торячо взялся за приготовления. Разузнавал о Колымском крае у бывалых сибиряков. Обошел все библиотеки. Разыскивал в архивах рукописные отчеты старинных путешественников. Днем и ночью думал, как обогатить снаряжение. Нужно собраться, как в военный поход: ничего лишнего, но все необходимое. Забыть нельзя даже иголки: там не достанешь. И прежде всего надо позабо-

титься о мореходном снаряжении и инструментах.

Седов любил свои научные приборы, относился к ним, как к живым существам. Стоило посмотреть, с какой осторожностью вынимал он из футляра и протирал чистой тряпочкой магниты от инклинометра¹. Можно было подумывать, что эти грубые куски намагниченного железа обладают хрупкостью хрусталия. А процедура ежедневного завода хронометров. Она превращалась у Седова в какое-то священнодействие.

О них он беспокоился больше всего. Как охранить от тряски и резких перемен температуры нежные механизмы больших хронометров? Десять тысяч верст! Без точного времени невозможно определение хороших астрономических пунктов. Карта, которая базируется на ненадежные астропункты, не годится никуда. Седов решил беречь хронометры как свои глаза.

Подготовка снаряжения, хлопоты с получением карт, книг, инструментов и проверка их заняла весь январь. В начале февраля все было готово.

Но выехать из Петербурга оказалось не так-то просто.

Бюрократическая машина в Гидрографическом управлении двигалась неуклюже и медленно. То деньги не отпущены, то никак не может собраться комиссия для выработки инструкции, то некому ее подписать.

Только 29 марта, когда солнышко стало пригревать совсем по-весеннему, Седов, издерганный вконец всеми проволочками, сел, наконец, в вагон сибирского поезда.

Путь на великую реку Лену

Вышел из вагона в Иркутске. Иркутск до революции был главным административным центром Сибири. Здесь Седов должен был явиться к местным властям, получить «подорожные» и подготовиться к долгому пути на лошадях.

На перроне Седов схватился за голову: всюду проталины, с юга тянет теплый ветерок, извозчики — на колесах. Пахнет весной. «И это в начале пути. Что же будет дальше? А ехать по санному пути еще пять тысяч верст. Неминуемо застряну где-нибудь в тундре, — думал он, трясаясь на извозчике к городу. — Полетит к чорту вся моя экспедиция».

Иркутяне-старожилы немного утешили его.

¹ Инклинометр — инструмент для определения отклонения магнитной стрелки.

«До настоящей весны еще далеко. Здесь оттепель. Санный путь плох потому, что снегу выпало мало, грязь только поблизости города». Но все же бывалые люди с сомнением покачивали головой, когда узнавали, что моряк собирается попасть на Колыму по зимнему пути. «За Якутом не миновать распутицы. Придется месяц или два посидеть среди тундры. Надо торопиться, может, успеете проехать большие реки до разлива».

Посоветовали купить проходные сани, лучше всего сибирские возки с крытым верхом; не нужно при смене лошадей перегружать багаж на каждой станции. Седов послушался совета. Возки пришлось отправить вперед, на станцию Хомутово, недалеко в горах, — там снег еще сохранился. Сам Седов добрался до Хомутова на колесах.

Там его ждал первый удар. На станции не оказалось лошадей. Пришлось ждать семь часов. Но делать нечего...

«Стояла морозная ночь. Яркие звезды мерцали на прозрачном небосклоне, где-то вдали послышалось пение запоздалого путника. Хотелось ехать и ехать. Но ехать было не на чем. Наконец-то пришли лошади. Мы радостно вздохнули и принялись за дело. Застучали дуги, зазвонили привязанные к ним колокольчики, забегали маленькие вертлявые ямщики-буряты, закрипел снег, и наши четыре возка заколыхались по неровной дороге...»

Отъехав от Иркутска сотню километров, путешественники оказались в совсем первобытной, ненаселенной стране. Ее пересекала только одна проезжая дорога — тракт Иркутск — Якутск. По этой дороге изредка мчались возки владык края — чиновников и купцов, ползли обозы с пушвиной. Раз в неделю проезжала почта. По временам со стороны тракта доносился странный, лязгающий шум, похожий на заглушенное звучание множества бубенчиков. То был звон кандалов. Он всегда сопровождал движение партии арестантов — уголовников и революционеров, шедших по этой дороге на каторгу в ссылку.

На тысячи километров по обе стороны тянулась первобытная, совсем не населенная тайга. Лес без конца. Редкие поселения жались к реке Лене. Зимняя дорога в Якутск шла по льду. Летом на колесах можно было проехать только

до села Жигалова в трех с половиной сотнях верст от Иркутска. Тут дорога кончалась. Дальше — полное отсутствие путей сообщения, если не считать охотничьих троп.

Это девственный край. Знакомиться с ним — наслаждение. Новые места, новые люди, обычаи. Ничего похожего на виденное раньше. Горные виды на перевале через отроги острых Байкальских гор оставались позади. У селения Камчут путники спустились к верховьям Лены. Здесь санный путь проложен на льду, в узкой щели, пробитой рекой. По сторонам грандиозные обрывы красных кембрийских отложений, поверх их кудрявится лес.

«Радостно смотреть вокруг. Душа живет и сердце бьется, — записывает Седов в дневнике восторженные строчки. — Любоваться красотами этого края можно без конца...»

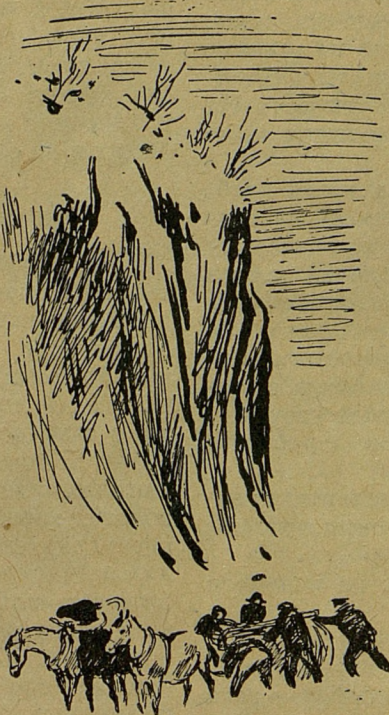
Но, любуясь и восхищаясь, он помнил, что едет не в качестве туриста. Торопил ямщиков, не давал отдыхать товарищам на станциях. Ехали на тройках день и ночь, останавливались только для смены лошадей. Спали в возках. На «станках» (так зовут на Лене поселки) иногда пили торопливо чай, пока перепрыгались лошади, но чаще не выходили из саней. Раз в сутки ели пельмени или разогретые котлеты — и дальше. Двигались довольно быстро, делая в сут-

ки по 150—180 верст.

В дороге случались и приключения. «Однажды сани с инструментами, где сидел, закутавшись в доху, астроном Чукотской экспедиции Вебер, ехавший вместе с Седовым, опрокинулись в глубокий снег и прикрыли собой тихо мечтавшего путешественника, — отмечает Седов в дневнике. — Весь караван был остановлен. Начали вытаскивать возок, но он не поддавался. Товарищ же наш каким-то замозгильным голосом нетерпеливо кричал: «Спасите!» Наконец, возок был на дороге, и караван двинулся дальше до новой катастрофы».

До Киренска, последнего города с русским населением, доехали благополучно.

Сразу за Киренском начинаются знаменитые «Ленские Щели» — ущелье, пробитое рекой в высоких горах. Здесь изумительное эхо. Крик и звон колокольчиков повторяются десятки раз. Над крутыми каменистыми обрывами в головокружительной высоте нависли деревья. Снег, накрывший ребра скал, вместе с просве-

тами в чаще кустарников кажется снизу белым кружевным узором, брошенным на каменистую крутизну.

По Якутии

Прорвавшись через ущелье, Лена превращается в могучую реку. За большим ее притоком, рекой Витимом, начинается Якутия, страна, о которой ее народ сложил песню:

«Моя страна далеко — по ту сторону неба достигающей горы, за восемьдесятю пропастьюми гор, долин, вблизи травяного моря. Там моя страна, там моя земля, там мое жилище».

На станках перепрягали лошадей не русские ямщики, а низкорослые крепкие якуты. Гортанный якутский говор вытеснял русскую речь. На первых порах случались недоразумения из-за незнакомства с языком.

«Ямщики по случаю праздника пасхи хлебнули винца, — пишет Седов в своем дневнике. — В расчете получить на водку от столичных проезжающих, они погнали лошадей сломя голову. С ними ничего нельзя было поделывать. Возки, прыгая по ухабам и раскатываясь на поворотах, мчались с бешеной скоростью...»

Сумасшедшая езда совсем не входила в расчеты Седова. Дикая пляска грозила нарушить правильность хода хронометров и сорвать успех научной работы.

«...Ямщики же этого понять не могли и удивлялись, что за странные люди: не позволяют везти себя быстро...»

«А объяснить им было нельзя: не понимали они русской речи.

«Долгий путь по Лене приходил к концу. За последней волшебной панорамой — гранитной стеной гигантских Ленских Столбов — река широко разлилась на множество протоков. Вот слобода Покровская, население ее состоит почти целиком из ссыльных сектантов. Близко Иркутск.

Из-за низких берегов открывается простор якутской равнины. Лена здесь шириной 5—6 верст. Дышится свободнее. Глаз ласкают чудные картины природы. Товарищи весело перекликаются из саней в сани. Лошади безостановочно скачут. Колокольчики ритмически звенят, и в такт им радостно бьется сердце».

Эти слова записаны 15 апреля.

В те времена Якутск был невелик, населения числилось всего тысяч восемь. Но этот город считался губернским. В нем жили правители «Якутской губернии». Так называлась раньше огромная страна, по площади большая, чем вся Западная Европа.

И край и главный город были тогда огромной тюрьмой без стен. Отсюда не убежишь. До железной дороги две тысячи верст. По

единственной зимней дороге сразу задержат. Летом — полное бездорожье. Суровый и холодный климат. В самом деле, подходящее место для ссылки — лучше не найти. И царское правительство широко пользовалось такими «удобствами» края для расправы со своими политическими ссыльными.

В городе скорби — Якутске — Седов задержался на пять дней. Нужно было запастись провизией, одеждой и упаковать как следует груз.

За пять дней Седов успел посетить всех нужных людей, разузнал о предстоящем пути. Нашел хорошего проводника. Возки, в которых ехали до Якутска, пришлось оставить. Вместо них купили «нарты» — низкие и легкие санки с широкими полозьями, годные для езды на лошадях и на оленях по бездорожью.

Верхоянский тракт — не дорога

На географических картах, купленных в Петербурге, значился «Верхоянский тракт» и продолжение его до Средне-Колымска. Седов предполагал, что поедет, как раньше, от станции до станции. Только в Якутске узнали, что настоящей дороги к северу от Якутска нет, даже в зимнее время. В трехстах километрах начинается почти ненаселенная страна. Местным жителям чуждо даже само понятие о дороге — ровной, хорошо укатанной полосе почвы или снега. Якутское слово «сусл», которым переводится русское «дорога», в буквальном смысле означает «след». И в самом деле, направление пути здесь указывается только редким следом проезжего. След исчезает, конечно, при первом же снегопаде или метели. Без опытного проводника здесь продвигаться нельзя.

Но Верхоянский тракт все-таки существовал. Существовали и станции — жалкие земляные юрты через каждые 50 — 100 верст.

Выезжая, Седов больше всего боялся ранней весны. Она могла сорвать всю экспедицию. «Стучилось хуже, чем предполагал. Не успел отъехать 500 верст от Якутска, — началась распутица, — с отчаянием заносил он в дневник. — 27 апреля у станции Билерской дорога окончательно испортилась, она представляет из себя черную землю, по которой оленям не под силу тащить груженные нарты. Олени часто падают и пропадают. Здесь же мы догнали задние обозы экспедиции Толмачева, которые не могли двигаться дальше за неимением оленей. Мы в свою очередь этим обстоятельством поставлены в безвыходное положение».

Седов не растерялся. Он бросил почти весь груз, оставив при нем своего помощника и одного проводника. Приказал Жукову по возможности быстро двигаться вслед, как только появится возможность. Сам же налегке, только

Впрягшись вместе с оленями в нарты, мы поднимали их в гору.

с необходимыми инструментами и с малым запасом провизии, стал продвигаться вперед.

«Верхоянский тракт» с этого момента перестал существовать. Якуты-ямщики разошлись по домам, в свои стойбища, увели и оленей. На «станциях» Седов находил одни пустые юрты с темными отверстиями на месте растаявших льдин, заменявших в этом крае оконные стекла. Такие одинокие юрты носят в Якутии название «поварен».

Георгий Яковлевич от одной поварни к другой тащился по пустыне на юдних и тех же оленях без смены. Олени устали до полной потери сил. Некоторые не могли итти даже на привязи, сзади саней. Единственное средство как-нибудь двигаться с такими измученными животными — это остановки на кормежку через каждые 10—15 верст. Горше всего давались подъемы на перевалы. Обессиленные олени не везли в гору даже порожние сани.

Что делать?.. Седов придумал для облегчения подъема собственное средство. Вместе с ямщиком он устраивал дорожку из снега. Снег таскали на себе из тайги. Впрягшись вместе с оленями в разгруженные нарты, поднимали сани в гору. Затем спускались вниз и подносили на спинах оставленный груз. Можно представить, что это было за путешествие.

Стараясь избежать изнурительных подъемов, предпочитали прокладывать путь по речным долинам или через горные ущелья. Пересекали реки. К счастью, они еще не успели вскрыться.

Проводник Уйбан мрачнел с каждым днем. Однажды утром он вышел из поварни запрягать оленей, но сразу же вернулся. На своем ломаном языке он старался объяснить, что впереди грозит беда.

— Один олень сила кончал — ехать можно. Один олень жизнь кончал — ехать можно. Много оленей сила кончал — ехать сапсем плохо. Все олени сила кончал — все помирать будем.

В самом деле, олени совсем отказывались итти. Они падали и пропадали один за другим. Некоторых удавалось спасти от смерти, если им во-время давали снегу вместо воды. В это тяжелое время, к счастью, попался встречный

караван. Добыли из него несколько не очень уставших оленей.

Наконец за большие деньги достали свежих оленей. 3 мая Седов увидел с горы дымки. Они поднимались из разбросанных по долине юрт и низеньких домиков. Это был «город» Верхоянск с населением меньше одной деревушки.

Седов приехал туда утром 4 мая. Вечером следующего дня он увидел под окнами своей квартиры странный караван из лошадей и быков. Во главе каравана вышагивал широкоплечий человек. Это был Жуков, Георгий Яковлевич сначала не поверил собственным глазам. Но вот боцманмат делает проводнику знак следовать за собой, приближается и становится во фронт. Рапอร์ตует хриплым от усталости голосом:

— Честь имею явиться. Прибыл благополучно. Весь груз в сохранности, извольте видеть. Только нарты пришлось оставить в тайге.

Позже Жуков рассказывал, как догадался он приспособить под выюки быков, если нехватало лошадей, как шел почти без отдыха по тайге и болотам, как переправлялся через наледи при помощи жердей. Вид у него был ужасный. Мокрый с ног до головы боцманмат, в сносившей обуви и забрызганной грязью одежде, с лицом, заросшим густой бородой, ничем не напоминал прежнего франтоватого Жукова. Только флотская фуражка на голове осталась не очень помятой и сравнительно чистой. Впрочем, и Седов сутки назад выглядел точно таким же.

Напролом

Георгий Яковлевич не стал задерживаться в Верхоянске. Запасая на дорогу хлебом, сделал астрономические наблюдения, чтобы проверить ход хронометров, оставил Жукову инструкцию двигаться вслед и — дальше. Впереди — последний, самый трудный этап — 1375 верст до Средне-Колымска. Большой неприхотливостью должен обладать путешественник, пересекающий эту часть Якутии даже по хорошей зимней дороге. Седову предстояло перейти ее в распутицу.

«Погода стояла теплая — пять градусов. Снег быстро таял. Дорога все больше и больше портилась, несмотря на то, что караван подвигался к северу. На станции Та-стах пришлось бросить все сани и следовать дальше, погрузив багаж на выюки. На

этом участке пришлось переваливать два высоких хребта (Тас-Хая-Тах и Алазейский), не считая нескольких низких. Переправлялись через реки Тастах, Догдо, Селенгу, Индигирку и Алазею. На некоторых были глубокие наледь, а Алазея успела наполовину вскрыться. Переправа по плохо смерзшимся наледям — сущее бедствие. Некованные лошади скользят, падают вместе с выюком в воду, груз в них подмокает и портится. . .»

Больше всего Седов боялся за лошадь, которая шла с легким выюком — с хронометрами. Это была самая смиренная лошадь в отряде. Был выделен для нее отдельный ямщик. Но все же Георгий Яковлевич старался держаться к этому выюку поближе.

Шли, как и раньше, без дороги. Иногда попадали в глубокую грязь; лошади, по брюхо в каше из снега и грязи, часто останавливались, не имея сил вытащить ноги. В таких случаях происходила

Мы вылетали на скользкий лед со скоростью поезда.

авария всего каравана. Его нельзя сразу остановить. По якутскому способу езды все лошади идут цепочкой связанными между собой хвостами (узечка задней привязана к хвосту идущей впереди). Если одна из лошадей упадет или увязнет, другие, продолжая движение, помогают ей. Но чаще случалось — обрывался у какой-нибудь лошади хвост или повод. Лошади «дурели» от боли, бесились и разбивали выюки. Ямщики с ужасом бросались в стороны, неистово крича.

«Случалось нам ехать верхом без отдыха и сна по трое суток и больше, — вспоминает Седов про этот ужасный переход. — Ямщики и наш проводник совсем обессилели, отказывались ехать под разными предлогами. Мы оказались гораздо выносливее местных жителей. Может быть, мы и на самом деле были крепче. Я думаю, потому, что об усталости мы совсем не думали. Заботились только о том, как бы проскочить нам, пока реки не вскрылись. Как бы то ни было, мы держались в седлах и ехать могли.

Медленно, с великими усилиями подвигался караван. Плыли перед глазами картины хребта Тас-Хая-Тах. Скалистые вершины, странные камни на них, издали напоминающие фигуры людей, вечные снега в глубочайших оврагах и россыпи камней-валунов.

Особенно поразила Седова величественная

долина реки Догдо, которая прорезает хребет Тас-Хая-Тах. Небольшая река, разлившись между крутыми горными склонами, образовала грандиозную наледь длиной верст двадцать и шириной около четырех. В блестящем море льда отразились и солнце, и горы, и искривленные ветром низкорослые лиственницы.

С перевала казалось — внизу колоссальное зеркало, вставленное в раму диких гор. Это «тарын»¹ — явление, встречающееся только в северной Якутии.

Какой чудесный, естественный каток. «При виде этого зеркального поля невольно вспоминаешь детство и представляешь себя несущимся по бесконечному простору», — так в детстве бегал Се-

дов по лиману на самодельных коньках.

Вскоре пришлось ему взглянуть на тарын с другой точки зрения.

Для путника тарын — сущее бедствие. Переправа через тарын трудна и даже опас-

на, когда он не успел еще как следует промерзнуть. Горе каравану, если лед не выдержит. В этом случае весь обоз рискует очутиться под водой на глубине 1—1½ метра, иногда при температуре 50°.

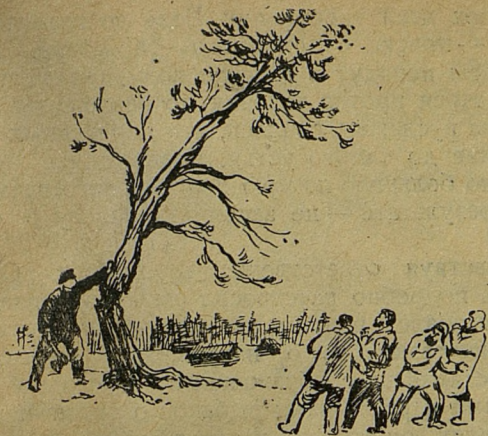
Караван Седова, спустившись с перевала, вышел к долине. Проводник остановил оленей за сотню сажен от тарына.

— Что будем делать? — спросил Седов у проводника.

— Кусаган (плохо) дело. Совсем дело кусаган. Надо крепко-накрепко связать оленей, — озабоченно сказал проводник. — Улахан (большой) тарын. Кабы знал, что такой вырос, ни за что не поехал бы.

Якут долго ходил около длинной вереницы оленей, проверял у каждого поводки и недоуздки. Несколько слабых животных он выпряг, привязал их к задней нарте. Потом велел садиться и погнал прямо на тарын весь караван связанных между собой оленей. Олени помчались под уклон со всей быстротой, на какую были способны. Вылетели на скользкий лед со скоростью поезда. Некоторое время караван несся по льду по инерции, затем движение стало замедляться. Некоторые олени

¹ Тарын — наледь, образовавшаяся вследствие промерзания реки в мелком месте до дна. Получается ледяная плотина, течение реки останавливается. Вода, не находя выхода, разливается поверх льда.

Казаки в страхе отступили назад.

падали, поскользнувшись, спешили подняться, опять падали, разбивали колени, но, повинаясь движению всего каравана, тащились за ним на поводках. Дикая пляска по льду. Один из задних оленей так и не мог подняться: ногу его зацепила постромка. Когда караван достиг противоположного берега, бок животного превратился в кровавое месиво...

Одолевая тарын, подъемы и крутые спуски, увязая в оврагах, заполненных снежной кашей, опять сменив оленей на низкорослых северных лошадей, кое-как двинулись вперед.

25 мая подошли ко второй большой реке Алазее. Ее очень боялись проводники. В это время весна вступила в свои права. Температура воздуха поднялась до 19°C. Река наполовину вскрылась. Седов бросил лошадей и сам со всей кладью переправился на другую сторону в лодке по взломанному льду.

Лошадей удалось получить на станции тут же на берегу. 27 мая обессиленные путешественники въехали в похожий на захудалую деревушку «город» Средне-Колымск.

Приехали в самое время: в тот же день на Колыме тронулся лед. Пока река очищалась, Седов стал готовить две большие лодки — по местному «карбасы». И сразу же взялся за работу исследователя. Определил астрономически положение Средне-Колымска. Сделал мензульную съемку пристани и ближайшей части реки. Определил скорость ее течения, глубину. Любопытный гидрограф заинтересовался даже толщиной льдин, плывших мимо города. И это не лишнее — знать, сколько льда успевает образоваться в течение суровой зимы. Беседуя с местными жителями, заносил в записную книжку сведения об экономике и промыслах края.

Нищие на золоте

В России о Колымском крае знали тогда, пожалуй, менее, чем о Гавайских островах.

Никто не предполагал, что колымчане ходят по золоту. Сами жители края не ведали о горных богатствах своей земли. Да и к чему были колымчанам эти ископаемые богатства? Испокон веков здесь занимались только рыбной ловлей и охотой. Питались мясом и рыбой, без соли. Про молоко, масло, овощи, крупу и яйца знали только по наслышке. Впрочем, русским казакам полагался от казны хлебный паек. Муку для казаков завозили с великим трудом по зимнему пути из Якутска. Но, кроме купцов, казаков и чиновников, никто на Колыме хлеба не ел. И жили здесь люди в такой первобытности, в такой неисходной нужде, что, не видев, вообразить невозможно.

Страшнее всего казалась покорность жителей своей судьбе.

«Случилось мне во время путешествия сделать привал вместе с казаками у «заколдованного» дерева. Под ним когда-то жил шаман и вешал тут же свои доспехи, а перед смертью делал у дерева свои заклинания. Теперь народ боится этого дерева, как огня. Его не только нельзя рубить, но и подходить близко опасно. Кто станет рубить, будет немедленно убит громом...

«Я, выслушав таинственный рассказ, немедленно взял топор и, чтоб рассеять глубокое заблуждение, пошел к дереву. Казаки взмолились и просили меня самым искренним образом не рубить дерево, а то все мы погибнем. Но когда они увидели, что я стою на своем, бросились в соседнюю избу, заперли крепко-накрепко двери и попадали на пол, закрыв лица руками. Я начал рубить. Вместо грома и молнии полетели, конечно, щепки. Казаки мало-помалу стали показываться из избы, а один из них, Николай Дьячков, видя, что никакой опасности нет, даже подбежал ко мне, выпросил топор и докончил дерево. Когда дерево валилось, казаки в страхе отступили назад и перекрестились, а мне заметили:

— Помните, барин, вас шаман когда-нибудь за это накажет».

Морское крещение

Река Колыма очистилась от льда в первых числах июня. Седьмого выдался теплый и ясный весенний день. У набережной против города стояли готовые к отплытию седовские карбасы.

За десять дней Седов успел перезнакомиться со всеми среднеколымскими жителями. Терпеливо объяснял чуть не каждому, что он будет делать у моря. Главная задача там — подготовить путь пароходам, которые придут из Владивостока. Они привезут на Колыму дешевые товары и муку. Для этого нужно найти в устье

реки глубокую борозду — «фарватер». Тогда все будет в порядке.

Все же Седов удивился, когда на пристани собралось все население Средне-Колымска. Отправление экспедиции оказалось событием в жизни заброшенного городка. Плакали и причитали жены-казачки, провожая своих кормильцев в неизвестный путь к студеному морю. Другие кричали веселые напутствия. Седов приказал поднять на мачтах флаги. Казаки дружно налегли на весла, крики с берега усилились: «Ура! Счастливо! Найди нам борозду в реке!» Поднялась стрельба из ружей и револьверов. Карбасы начали путь к Ледовитому океану.

* * *

Плыли спокойно. В течение всего пути светило полуденное солнце. Раскрывались панорамы одна за другой. Огромная река оказалась извилистой, много на ней островов, покрытых тальником и ольховником. Эти пустынные, поросшие лесом берега почти не обитаемы. Но зверя много. Не раз видели медведей и лосей.

После впадения большого притока Омолон и особенно двух Ануев Большого и Малого еще шире раскинулся водный простор Колымы. На восьмой день однообразного плавания показался на левом низком берегу какой-то поселок. Это был Нижнеколымск. Георгий Яковлевич решил тут сделать остановку для географических исследований, а заодно подождать, не догонит ли экспедицию Жуков. Ждали четыре дня. За это время Георгий Яковлевич определил широту и долготу Нижнеколымска, сделал промеры реки, наблюдения над скоростью течения и нанес на карту окрестности будущего Нижнеколымского порта. Команда в это время чинила карбасы, запасались на лето провиантом.

Жукова так и не дождались. Наняв в поселке еще несколько казаков, Седов решил 19 июня двигаться дальше, а для отставшего помощника приготовил еще один карбас и оставил ему короткую инструкцию: «По приезде, немедленно двигаться вслед, к океану, к мысу Медвежьему».

Колыма в нижнем течении пересекает однообразно-низменную и пустынную местность. Лесов здесь нет. Последние искривленные и низкорослые деревья остались позади, верстах в 75 от устья. На берегу одна неприветливая и голая тундра.

Седов был очень озабочен выбором пути. Колыма изливается в море двумя протоками: Западной (или Походской) и Восточной (или Сухарной). По которой же плыть? Ни местные жители, ни казаки не могли указать, где глубже. Выбрать же для пути протоку малую, негодную для судоходства — значит, предпринять

неуспех всей экспедиции. Ведь ее главная задача — поиски судоходного фарватера. Если карбасы попадут в мелкую воду, придется возвращаться против течения до разделения реки на два русла: выяснилось, что поперечных протоков нет до самого устья. Возвращение же означало большую потерю драгоценного времени, и в результате — не закончить работу в одно лето.

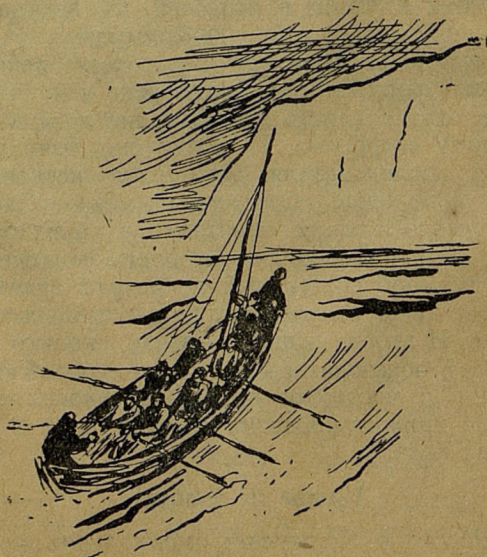
Чувствуя ответственность выбора, Седов очень подробно расспросил рыбаков и казаков и постарался припомнить замечания прежних путешественников о направлении фарватера. Сопоставив их соображения с косвенными признаками и рассказами рыбаков о встречающихся мелях, он пришел к заключению, что плыть нужно по Колыме Сухарной. И не ошибся: фарватер шел по ней. 21 июня доплыл до заимки Сухарной. Это ближайшее к морю жилище. От заимки до Ледовитого океана всего 25 верст. В последний раз остановились на ночлег у единственного жителя заимки 93-летнего старика-казака.

Конец долгого пути. «Завтра будем у устья. Начнем свою заветную работу», радостно отметил в дневнике Седов последнюю остановку на десяти тысячеверстном пути. «Погода тихая, полное солнце высоко катится по небосклону. Птицы тьма. В одной из изб устроили себе баню, ибо не мылись уже более месяца и столько же времени не меняли белья».

На следующее утро направились к морю.

Колыма в этом месте шириной напоминала большой морской залив. Посредине пути начался сильный шторм со снегом. Большие валы катились по широкому простору и сильно бросали карбас, волны перехлестывали через борт.

На этом переходе седовская команда полу-

Казаки дружно налегли на весла.

чила первое морское крещение. Залепленные снегом и мокрые казаки-колымчане, видно было, перетрусили. Некоторые пришли в отчаяние. Забившись под сиденья и крестясь, одни покорно ожидали гибели, другие, более смелые, безмолвно, с большим вниманием следили, как отчаянный человек из Петербурга спокойно, словно играя, подбирает шкоты и правит, когда кругом такая страсть.

Когда карбас стал выходить в открытое море, шторм разыгрался. Волны залили и оторвали лодочку-стружок, который шел сзади на привязи. Пришлось укрыться под островом Сухарным. Там переждали погоду и набили много диких гусей. 24 июля при хорошей погоде карбас пристал к берегу у мыса Дмитрия Лаптева. Широкий простор Ледовитого океана был тих, ясен и чист.

Гидрограф ищет фарватер

На мысе стоит высокий деревянный маяк. Поставил его сто семьдесят лет до Седова один из героев Великой северной экспедиции Дмитрий Лаптев. Рядом с маяком несколько полуразрушенных амбарчиков. В них, полагают, жила в 1739 году команда Лаптева.

Седов собирался начать работу от маяка. Несомненно, Лаптев выстроил его не для украшения. Вероятно, маяк указывает начало судоходного фарватера у Колымы. В этом Седов ошибся: в первые же дни выяснилось, что маяк теперь ценен, только как исторический памятник. Поблизости — мель. Очевидно, за сто семьдесят лет русло реки совершенно переменило свое направление.

Георгий Яковлевич решил плыть дальше, к востоку. Лагерь нужно разбить у судоходного фарватера, при подходе к нему с моря. Подходящее место нашлось в бухте Амбарчик, за мысом Столбовым. 26 июня высадились в этой бухточке и начали устраивать лагерь.

«По дороге,—повествует дневник,—в одной из досок на нашем карбасе водой выдавило сук. Вода так сильно хлынула, что не успевали отливать. И заделать дыру мы не могли — она была завалена грузом. Едва успели выброситься на берег. Казаки перепугались насмерть. Вероятно, в эту минуту вспомнилось им «святотатство» над шамановым деревом, и они думали, что для шамана наступил час его мести...»

Лагерь расположился на ровной тундре. Для

жилья приспособили старый амбарчик и две палатки. В тот же вечер, несмотря на проливной дождь, Седов отправился с несколькими казаками верст за двенадцать на гору Каменку строить большой знак для съемки. Хотелось также посмотреть, каково состояние льда на море.

На следующее утро команда принялась за ремонт амбарчика, а Седов начал серию астрономических магнитных наблюдений. Хотя экспедиция еще не собралась полностью, — где-то позади остался Жуков с тяжелыми инструментами и провизией, и неизвестно, успеет ли он до осени доехать, — Седов горячо взялся за дело. Отсутствие необходимых вещей только подхлестывало.

Седов уже успел обдумать, как будет выкручиваться без необходимых инструментов, если не придет Жуков. Морские лоты придется отлить из запасов дроби, вместо шлюпочного компаса он начал готовить самодельный, — благо магниты имеются, мерную ленту заменит рулетка и шнур.

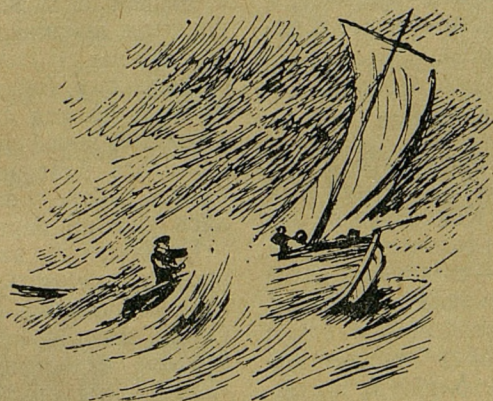
3 июля, осматривая берега за устьем Колымы в бинокль и соображая, где еще можно по-

ставить знаки для триангуляции, Георгий Яковлевич заметил у дальнего берега какие-то необычные искорки в воде. Они регулярно, словно по счету, вспыхивали и пропадали. Заинтересовавшись странным явлением, Седов направил в ту сторону трубу дальномера с сильным увеличением. Он увидел чуть заметную точку. Около нее с правильными промежутками вспыхивали отблески солнца на лопастях весел — лодка.

— Лодка! Лодка! Наш карбас плывет! Жуков, вот молодец! — закричал Седов. — Ну, конечно, он! Кому же больше плыть здесь? Колымские рыбаки отроду из устья не выплывали. Ура!

В самом деле, лодка оказалась жуковским карбасом. Жуков опоздал всего на две недели. Весь груз привез в целости. Только кое-что оказалось подмоченным при переправах через реки. Белые успело погнить и часть провизии испортилась. Но Седов и не думал винить лихого боцманмата. Он знал по себе, что значит тащиться по тундрам в распутицу.

— Теперь мое сердце спокойно. Вся экспедиция в сборе, — радостно говорил Седов. — Теперь работа закипит. Завтра же установим в бухте футшток, начнем вести регулярные наблюдения над погодой. Съемка пойдет пол-

В море разыгрался шторм.

ным ходом... И фарватер от нас не спрячется. Найдем. Ховала жинка квочку, та хлопец добре пошукав.

И, весело обнажая зубы на загоревшем лице, Седов заразительно хохотал.

Через несколько дней очертания устьев Колымы стали вырисовываться на карте. Теперь можно приступить к главной работе — найти фарватер и «бар» — песчаные отмели, они всегда бывают при впадении реки в море. Седов приступил к промеру. Опыт прежних его работ помог ему быстро отыскать и бар и проходимые места. На Колыме оказалось два бара. Один — у мыса Медвежьего, а второй — у острова Сухарного. Теперь еще одно дело: выяснить промером все повороты фарватера, обставить его створными знаками — и все в порядке. Можно пускать пароходы.

Как делают морской промер

Промер — долгая и кропотливая работа.

Седов приспособил для промера легкий карбас юкагирской постройки. Конструкция его была совсем первобытной. Отдельные доски — толщиной меньше полдюйма — скреплены были не гвоздями, но прутьями тальника, а пазы законопачены колымским способом — мохом с землей и залиты сверху хрупкой листовичной смолой. Случалось, что кто-нибудь по неосторожности станет прямо на обшивку, — она проламывается, вода сейчас же хлынет внутрь. От ударов волн смола отваливалась, мох размывался, прутья ломались, и карбас грозил развалиться на составные части.

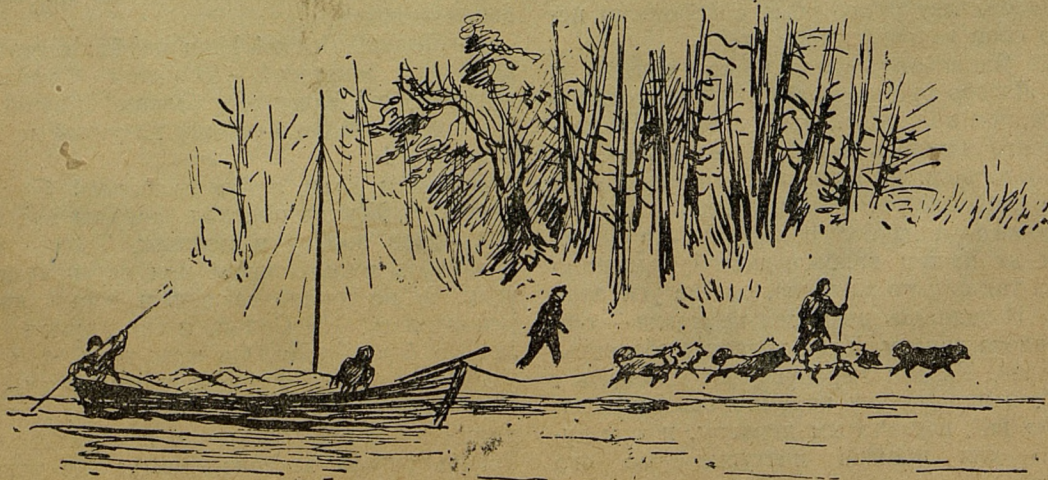
Однажды отправились на этом карбасе далеко в море, верст за десять, искать подходы к бару.

«Сначала все шло очень хорошо: работа подвигалась ладно, и карбас победоносно справлялся с небольшим волнением. Но вот подул

зюйд-вест (здесь зовут его шалонником), покатались со стороны берега барашковые волны, на ясном небе появились темные тучи. Мы прекратили промер и поспешили к берегу. Но оказалось поздно. Карбас не выгребал, нас мало-помалу относило назад. Я подбадривал казаков — усердных гребцов. Все дружно навалились, но — увы! — неуклюжий карбас не шел вперед. Из пазов то и дело вылетал мох, в них лилась вода. Для заделывания трещин пустили в ход все платки, у кого какие были, и даже рубашки. Иногда вода попадала через борт. Но это нас не пугало. Боялись, что карбас развалится, тальник местами уже начал лопаться. Решили укрыться за ледяной горой, стоявшей на мели. Прождав несколько часов и не видя признаков перемены погоды в нашу пользу, мы со свежими силами погребли к мысу Баранову. Ветер дул в правую скулу. Работа была не под силу, и опасность надвигалась с каждой новой волной. Грозила гибель, но все обошлось благополучно. На другой день прибились к берегу западнее мыса. Домой добирались уже по берегу бечевой...»

Несмотря на такие приключения, карбасом продолжали пользоваться. Он даже получил гордое название «Штормовой». Но все же Седов, видимо, не очень-то верил в его «штормовые» качества. В дневнике он отмечает: «Впредь мы стали осторожнее относиться к ветру и предпочитали заблаговременно уди- рать от него».

Так или иначе, все промеры в районе мыса Медвежьего закончили на «штормовом» карбасе. Перенесли лагерь к маяку Лаптева. Здесь снова началась постройка знаков, триангуляции, промеры. Работали большей частью «на шабаш» — иначе говоря, целыми сутками, чтобы в лагерь, не кончив, не возвращаться. Седов, как и в прежних экспедициях, умел подбивать команду на такие работы.

Мы поспешили к берегу.

Утром, как всегда, ровно в семь часов раздается бывало его громкий, веселый голос:

— Жуков! Жуков, ты не проспал? Знаю, ты молодец. А ну, давай будить команду... Давай, давай, ребятки, веселей! Погода-то какая. В такую погоду, если не работать, до вечера не проспишься.

А погода никуда не годится. Моросит дождь вперемешку со снегом. Угрюмый туман повис над лагерем. Но Седов весел и бодр. И команда, заражаясь его весельем, поднимается с шуточками. Пока кипит чайник, люди обуваются, моются. Нельзя не мыться, — начальник застыдит, если увидит грязную шею. За чаем Седов бранится.

— Что у вас, колымчане, за лес паршивый — одна лиственница. Нигде такого тяжелого дерева не видал. Вот, строили мы знаки у нас на Карском море, там возьмешь сосновое бревно на плечи и на гору — вдвоем, без труда. А здесь каждое бревно вчетвером тащим. Почему она такая тяжелая, листвен?

— Природа у нас этакая, сок в дерево не гонит. От мерзлоты. Мерзлота соку хода не дает.

Седов перебивает, повертываясь к дальней горе, где намечено поставить знак.

— Вот, будь эта проклятая горушка поближе да лес не такой тяжелый, мы бы в один день ее значком украсили... Верно, Дьячков? А то плыть до нее полдня, да там еще с полверсты. Как, Попов, думаешь? Не управимся? — Нет, где же управиться. Тут без ветра взад-вперед целый день проплывешь. А ветер падет — и в день не доехать. Немыслимое дело, — убежденно говорит широкоплечий казак, всеми признаваемый за старшего.

— Ну, а если на шабаш ее взять да еще ту соседнюю прихватить? Отделаться от этих знаков — и конец. Потом отпразднуем шабашины, по чашке водки дернем под хорошую закуску. Остаток дня проваляемся. Как, Дьячков, гуси-то у нас еще остались? Мыши не поели? Спирт не пролился?

Толстый Дьячков смеется:

— Берегу, Георгий Яковлевич.

— Угостишь нас, если мы два знака на шабаш поставим? Только я тебя знаю: ты опять маленькую чашку поднесешь, — скажешь, что старая разбилась.

Казак смеются. Все понимают, что на шабаш лучше: не ездить лишний раз, не сидеть на веслах лишних полдня. С шутками забирают они инструменты, спихивают в воду карбасы. Поехали.

Однажды Седов отправился с командой верст за двенадцать ставить большой знак, рассчитывая кончить работу разом, на шабаш. Но суток на это оказалось мало. А механизмы хронометров полагается заводить

точно в девять утра. Седов решил, оставив команду у знака, идти в лагерь пешком. Времени оставалось часа два.

«Бегу это я и радуюсь на свою изобретательность», — рассказывает Седов. — И знаки будут поставлены, и к хронометрам вовремя поспею. Но вот на пути речка. Пускаюсь вброд — глубоко. Я пробежал вверх по течению версты две-три, а глубина не уменьшается. Кинулся назад к устью, чтобы по бару перейти. И тут глубоко, а течением чуть не оторвало меня от берега. Что делать? Спустил в речку два бревна, связал их толстым шнурком от часов (ничего другого не было), вскинул на плечо ружье, а верхнюю одежду и сапоги взял в левую руку, в правую — шест и поплыл на другой берег. Вскоре шест не достал до дна. Бревно понесло по течению. Шнурок лопнул, и я со всем своим скарбом очутился в ледяной воде. Уцепившись одной рукой за бревно и придерживая ею же одежду, второй рукой я выгребал к берегу. Потом бежал как угорелый домой и волею судьбы спас свое дорогое время...»

Август подходил к концу, начинало сильно темнеть по ночам. Отлетали на юг птицы. Но и работа подходила к концу. Осталась только съемка берегов реки до Нижнеколымска.

29 августа Седов двинулся вверх по реке, заканчивая по пути съемку берегов и промеры фарватера.

На обратном пути нехватало провизии, не оставалось ни крошки сухарей, ни кусочка сахара. В одном из рыбацких амбаров нашли почерневшую «юколу» (сушеная рыба), заготовленную для собак. Питались ею. «Утром, — рассказывал об этой голодовке Седов, — сядишь есть, тебе дают сначала юколу просто, а потом юколу с чаем. На обед и ужин то же самое. Казаки привыкли к юколе с детства, но я, по правде сказать, скучал без хлеба и сахара, а под конец почувствовал даже слабость и бессилие».

Голодовка окончилась недалеко от Нижнеколымска. Сначала повстречали человека с провизией, а потом удалось убить большого лося.

Первого сентября экспедиция закончилась в Нижнеколымске. Начался обратный путь — тоже десять тысяч километров. До Средне-Колымска плыли против течения на карбасе, его тянули бечевой ездовые собаки. Всю дорогу, двенадцать дней, Седов шел по берегу и измерял расстояние шагами. Об этой части пути Седов коротко замечает: «Ехали кое-как: продавали по дороге ненужные вещи и на эти деньги жили».

В Средне-Колымске пришлось прожить около месяца в ожидании санного пути. В первых

числах октября Седов выехал в Верхоянск, через месяц был в Якутске. Еще через месяц, в конце декабря, подъехал к Петербургу.

Успехи крестьянского сына

Георгий Яковлевич вернулся в Петербург к самым праздникам. В городе былолюдно, шумно, весело. Все казалось особенно праздничным и радостным, словно весь Петербург радовался успеху и возвращению экспедиции.

Знакомые наперебой приглашали веселого моряка, который умел так хорошо оживлять общество и красочно рассказывать про свои приключения в далеких северных краях. В эти дни Седов с охотой принимал все приглашения.

После окончания праздников Седов выступил с большим докладом о результатах Колымской экспедиции в Гидрографическом управлении. Присутствовали все столпы этого учреждения. Старые гидрографы Вариек, Дриженко и Морозов искренне поздравляли его с полным успехом прекрасно проведенной экспедиции. И даже важный Вилькицкий милостиво сказал: «Я очень рад, что не ошибся в выборе офицера для Колымской экспедиции».

Перед докладом в Географическом обществе Седов слегка волновался. Как-то будет принят его первый публичный доклад? Быть может, придут слушать его знаменитые путешественники Семенов-Тянь-Шанский, Обручев, Потанин, Козлов... Как отнесутся они к молодому исследователю?

Доклад прошел превосходно. Правда, не было торжественной обстановки, сопровождающей доклады в большом зале Географического общества, когда о путешествиях рассказывали его заслуженные члены. Но председатель общества, выступив перед докладом, выделил его из рядовых отчетов небольшой речью об исследованиях северной Сибири. Сказав несколько приятных слов по адресу молодого гидрографа, он рекомендовал вниманию членов общества значительную работу, проделанную Гидрографическим управлением в далеком Колымском крае.

Седов прочел доклад с большим подъемом, просто, с исчерпывающей ясностью и полнотой. Он рассказал не только о путешествии и о научных работах, но очень подробно остановился на описании заброшенного края, на его экономике и нуждах. Простота выражений, ясность мысли, скромность при описаниях своих трудов и лишений выгодно отличали это выступление от общих докладов в высшем тоне о маленьких делах, которые нередко случалось выслушивать постоянным посетителям этого зала. Световые картины на экране переносили слушателей в новый и незнакомый мир,

живущий где-то далеко на севере своей совсем особенной жизнью. Когда Седов произнес заключительные слова, раздались дружные аплодисменты. Молодой гидрограф был избран действительным членом Географического общества.

— Я связал два бревна и поплыл на другой берег.

Аудиенция его величества

В жизни Седова события 1910 года развивались быстро, как никогда. Доклады, множество новых знакомств, успехи в Географическом и Астрономическом обществах, — все новое и новое. В апреле его вызвал к себе Вилькицкий и предложил организовать экспедицию на Новую Землю. Почти в то же время Седова потребовали, совершенно неожиданно для него, явиться в Царское Село и приказали готовиться к докладу самому царю. Никто не мог сказать, чем объясняется этот вызов.

Первый раз Седова потребовали, как оказалось, только для репетиции. Царь был занят приемами и семейными делами. Седова провели в зал, где царь будет слушать доклад, показали, где именно он будет стоять, где докладчик. Учили, как держать себя, как говорить с «его величеством». Царю нельзя отвечать ни «да», ни «нет», нельзя предлагать вопросов, ни переспрашивать, ни перебивать. В таких случаях полагается говорить: «Виноват, ваше величество, не расслышал». Сказали, что для доклада отведено полчаса, ни минуты больше. После урока придворного этикета Седова отпустили, накормив хорошим обедом в обществе каких-то старых фрейлин.

Нового вызова долго не было. Прошел апрель, подходил к концу и май. Нужно было всерьез готовиться к новоземельской экспедиции, — а готовиться нельзя: быть может, в Царское не вызовут до осени. И отлучиться невозможно даже не надолго: каждый день может приехать фельдъегерь и потребовать на доклад. Седов начинал нервничать и злиться. Для него экспедиция на Новую Землю была куда интереснее какого-нибудь небольшого по-

дарка, который, вероятно, «пожалует» царь за доклад.

Вторично в Царское вызвали, когда Седов стал злиться не на шутку. В этот раз привели совсем не туда, где была репетиция, и даже не к тому подъезду. Пришлось идти через ряд комнат с часовыми у дверей, пока не добрались до небольшого зала. Здесь Седова остановили, показали столик, на котором можно было разложить карты и фотографии.

Минуты ожидания казались долгими. Чтобы рассеяться, Седов спросил у сопровождавшего его придворного: чем объяснить, что его, скромного офицера, с мелким чином, вызвали на доклад к царю? Придворный с охотой ответил:

— На вашем публичном докладе в Географическом обществе присутствовал один из гофмейстеров его величества, имеющий свободный доступ к государю. Будучи приглашен его величеством к обеду, он, между прочим, рассказал о вашем путешествии. Его величество заинтересовался и приказал доставить вас во дворец. Теперь вас можно поздравить с высокой честью делать доклад перед лицом его величества. Это должно сказаться и на успехах вашей служебной карьеры.

Седов молча поклонился и взглянул на часы. Было половина второго. Почти в ту же минуту в соседнем зале послышался шум, часовой взял шашку «на караул», боковая дверь распахнулась. Придворный шепнул: «Его величество», — сделал один скользкий шаг назад. Седов подтянулся и замер в официальной позе.

Царь шел к нему в сопровождении свиты каким-то неестественным, натянутым шагом, похожим на тот, которым унтер-офицер Замрушкин учил ходить «церемониальным маршем». Седов увидел перед собой невысокого офицера с погонами полковника. Лицо этого офицера сильно напоминало царские портреты, развешенные всюду, но не больше, чем старая, сильно изношенная ассигнация напоминает новую. Оно поразило Седова полным отсутствием выражения и жизни. Усеянное серыми веснушками, тусклое, с каким-то землистым оттенком, это лицо могло привлечь внимание только необыкновенной вялостью. Сероватая бородка с надвинутыми на нос густыми усами подчеркивала общее впечатление незначительности и заурядности. Что-то неприятно-холодное проползло в груди Седова, когда он, вытянувшись по-солдатски, ожидал первых слов царя.

Трудный доклад

Остановившись перед моряком, царь несколько мгновений медлил, не произнося ни

слова. Затем веснушки на лице слегка зашевелились. Надвинутые усы поползли кверху. Седов увидел серые зубы и в тот же момент услышал обращенные к нему слова:

— Вы штабс-капитан Седов?

— Так точно, ваше величество, — бодро отчеканил он заученную фразу.

Царь замаялся. Усы двинулись несколько раз кверху и книзу и остановились, словно их владелец не знал, что еще сказать. Затем усы, двинувшись немного в сторону, процедили:

— Наверное, там очень холодно, на севере... Где вам больше нравится: там или тут?

Седов немного растерялся, не зная, на который же из двух таких странных вопросов ответить, да еще не говоря ни «да» ни «нет». Он открыл было рот, чтобы сказать: «Об этом я буду иметь честь доложить вам», — как его выручил министр двора Фредерикс, стоявший позади царя. Он выдвинулся вперед:

— Разрешите штабс-капитану доложить о его путешествии все по порядку.

— Да, да, прошу вас, — сказал Николай и встал в привычную позу, сунув большой палец правой руки за ремень от палаша, а левую заложив за спину.

Стоя перед царем навывтяжку и держа в левой согнутой руке, как требовал устав, треугольную парадную шляпу, Седов начал в этой неудобной позе свой доклад. Помня о регламенте, он говорил очень сжато. Царь сначала слушал невнимательно. Он с вялым любопытством рассматривал энергичные черты моряка и его крепко сбитую фигуру. Но не прошло и пяти минут, как Николай принял более свободную позу, вынул руку из-за спины и, трогая рукой подусники, стал следить по карте за маршрутом. Он начал останавливать Седова, спрашивая подробности. Явное любопытство отражалось на его невыразительном лице, — очевидно, все, что говорил моряк, было совершенно ново и занимательно. Помня о краткости доклада, Седов старался отвечать как можно короче и проще, но такие ответы вызывали новые вопросы, иногда очень наивные.

Когда Седов, говоря о населении Колымского края, упомянул о племени чуванцев, Николай переспросил:

— Чуванцы? Я даже не слыхал, что есть у меня такой народ. И в титуле моем ничего о нем не сказано. Почему? И много их?

— Осталось всего несколько семейств, ваше величество.

— Почему же так мало? Ведь, пожалуй, эти семейства совсем могут исчезнуть, а наша держава потеряет целую народность. Нужно бы принять какие-нибудь меры.

Когда Седов, рассказывая о рыбных промыслах, описывал погреб в промерзшей зем-

ле, полные мороженой рыбы, царь опять перебил:

— На что так много рыбы?

— Для еды, ваше величество.

— Но разве может семья съесть за год сотни пудов?

Седову пришлось объяснить, что жители всегда нуждаются в еде, голодовки у них дело обычное. В крае нет хлеба, приходится от нужды питаться одной рыбой. Если рыбы не хватает, тогда наступает голод, и в пищу идет древесина — заболонь, вымирают целые заимки.

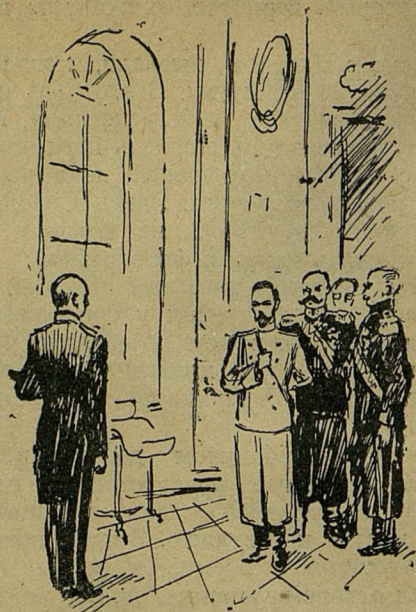
— Что за страна такая? — пожал царь плечами, повернувшись к Фредериксу. — Ухитряются голодать в самых богатых краях. Голодают в Поволжье, на Украине и на Колыме. Но колымским казакам надо помочь. Казаки — опора престола. Напомните мне, — обратился Николай к одному из придворных в расшитом золотом мундире, — сказать Саблеру, чтобы в церквях произвели сбор в пользу голодающих на Колыме казаков.

Седов поднял глаза на часы. Он стал чувствовать себя тяжело. Доклад еще наполовину не сделан, а полчаса на исходе. Пытался продолжать, но царь постоянно прерывал вопросы или просил объяснить, что изображено на фотографиях. Когда прошло сорок минут, Седов почувствовал, что Сухомлинов, до этого пересмеивавшийся с кем-то за спиной у царя, дергает сзади за фалду парадного сюртука: «Кончай».

— Меня в жар бросило, — рассказывает Седов впоследствии. — Не могу же я остановиться посередине слова и сказать: «Я кончил, ваше величество». И не ответить, когда царь спрашивает, тоже нельзя. А он, как ребенок, продолжает задавать вопрос за вопросом. Я же между двух огней. Сухомлинов то дернет меня за фалду, то за спиной царя показывает свои золотые часы. Вот тут и выкручивайся.

Сжав доклад до пределов возможности, Седов закончил его в четверть третьего. О самом важном, о гидрографической работе пришлось совсем умолчать, упомянув только, что весь план экспедиции выполнен, фарватер на Колыме отыскан, и нет больше препятствий к посылке в Колыму коммерческих судов из Владивостока. Едва он успел произнести последние слова, к Николаю подошел Сухомлинов и что-то негромко сказал. Николай передал Седову последнюю фотографию и бесцветно промолвил:

— Рад был видеть офицера, который побывал так далеко. Надеюсь в будущем еще услышать о вашем новом путешествии в далекие страны.

Седов замер в официальной позе.

Царь подал докладчику руку и удалился со свитой.

Седов вытер лоб платком и вздохнул с облегчением.

Тот же придворный отвел его к подъезду и еще раз поздравил с высокой честью.

Георгий Яковлевич вышел в парк. Сняв свою жесткую треуголку и положив портфель на скамью, он еще раз обтер лоб платком. Какой-то неприятный осадок остался у него после этой аудиенции. Сидела жгучая заноза — не то оскорбление, не то разочарование. Перерывая в памяти последний час, он так и не мог вспомнить, что было тягостного в свидании с царем, — глупые ли выходки Сухомлинова, или неожиданно-ребячьи, неумные вопросы царя? Или же все вместе с тусклым и серым обликом правителя великой России? .. Но тут же пришла в голову старая, привычная мысль:

«Ну, вот еще одно дело закончено», за ней другая: «Так или иначе — о этой минуты я, наконец, свободен».

Седов широко улыбнулся, расправил плечи, вздохнул всей грудью и направился к выходу из парка.

Покончив с докладом, Георгий Яковлевич стал горячо готовиться к новоземельской экспедиции. Теперь ничто не могло удержать его, даже женитьба. Свадьба с Верочкой Май-Маевской была по тем временам очень странной. Обвенчались и разъехались по домам. 18 июля, через четыре дня после свадьбы, Георгий Яковлевич уехал в новую экспедицию на Новую Землю.

Ледяная поэма

В. ЕЛАГИН

Рисунки Г. ШЕВЯКОВА

Полярная ночь черна,
Бездонна ее глубина.
Гонит пурга по ней
Призрачный полк теней,
Лепит им в спины снег.
Неистов их дикий бег.
Со свистом несет вода
Зеленые глыбы льда.

Сонный морж храпит в испуге, не найдя привычных троп,

И медведь от воя вьюги зарывается в сугроб,
Но в снегу по самый пояс, как горбун, с большим мешком

Человек на черный полюс пробирается пешком.
В мокрой сбруе, вместе с псами коченея на ветру,
Два другие тащат сани по отвесному бугру.

Мертвой пустыней льдов
Шатаясь бредет Седов.
С визгом победный гимн
Вихри поют над ним,
Гонят назад и вбок,
Лают, сбивают с ног.

И под волчий вой метелей, скован сталью холодов,
В ледяной сугроб постели навзничь падает Седов.
Погребальный ветер воя, над землей несет пургу;
И дрожа склонились двое над лежащим на снегу;
В снежных масках мрачны лица, руки — пары мокрых ласт,

Оттирают рукавицы ледяные слезы с глаз.

Вечно несет вода
Мертвое поле льда.
Прочно сковали льды
Горы морской воды.
В страшных объятьях льдов
Спит капитан Седов.

Но как месть за капитана, роковое поле вод
Пашет плугом многотонным ледакольный пароход.
Волны с плачем монотонным отступают в темноту
Перед именем Седова на крутом его борту,
И навстречу пароходу из полярных городов
Высылает древний полюс целый флот тяжелых льдов.

Словно медленные горы, по кипящей пене волн
Рышут белые линкоры, окружая ледакол.

Горами вечных льдов
Схвачен, зажат „Седов“,
С визгом победный гимн
Ветры поют над ним,
Пляшут меж голых рей,
Страшен полярный дрейф.

Но под облаком ледовым, налетев с большой земли,
Закружились над „Седовым“ голубые журавли.
Серебрясь морозной пылью, высоко над головой
В небе вспыхивают крылья, точно пламень спиртовой.

И опять улетели на юг журавли,
И седые метели ледакол замели.

Он стоит зачарован, вечным холодом скован,
Накренен и перекошен, на застывшем гребне
взброшен,

Он ползет над черной бездной вместе с толщей
снеговой

Неподвижный и железный и как будто неживой.
А над ним, как над трупом, по следам, по снежку
За зеленым уступом бродит белый ошпуй,
Приседая под откосом, тянет воздух острым носом —

Приготовился к прыжку.

Человека запах свежий чует мокрый нос медвежий,
Лапы рвутся в быстрый бег,
Но в коротком звучном гуле, сбит медведь горячей
пулей,

С ревом падает на снег.

И на рев в пустыне мгlistой, на тоску медвежьих жалоб

Отвечают гулким эхом неподвижные поля.

А на эхо и на выстрел грохоча сбегает с палуб

Оживленная команда ледового корабля.

Все бегут к медвежьей туше по неровной зыби
льдин

Вперегонку, как по сухе, все пятнадцать, как один.
Океан они измерят, льды исчертят вкривь и вкось.
Древний полюс им доверит сторожить земную ось.
Им на выручку из далей, исчезающих в снегу,
Подойдет „Иосиф Сталин“ сквозь январскую пургу.

Давит льды полярный флагман, как гранитная
скала,

И расплавленной магмой в топках рушится зола.

Он дорогою ледовой возвращается домой,

Он спасенного „Седова“ крепко держит за кормой,
Пена космами седыми накипает у кормы.

Рев сирены в черном дыме гонит сон полярной
тьмы.

Стужей скованные воды отступают в темноту
Перед именем свободы на стальном его борту.

